

Π РОСТРАНСТВО
.....
ЕРЕВОДА

МАРИЯ ПАВЛИКОВСКАЯ-ЯСНОЖЕВСКАЯ
ПОЧТАЛЬОН И НОЯБРЬ

Перевод
ЕЛЕНА РЕВУЦКОЙ

Пространство перевода

Мария Павликовская-Ясножевская

Почтальон и ноябрь

«Водолей»

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)

Павликовская-Ясножевская М.

Почтальон и ноябрь / М. Павликовская-Ясножевская —
«Водолей», — (Пространство перевода)

ISBN 978-5-91763-497-5

Мария Павликовская-Ясножевская (1891–1945) – одна из самых читаемых польских поэтесс, чьи гипнотические миниатюры стали символами межвоенного двадцатилетия. В её стихах – фотографиях набережных и кофеен, джазовых оркестров и танцующих пар – рефлексия подчинена иронии, а эротика – мистике. В книгу вошли переводы как полных циклов («Париж» и «Дансинг»), так и избранных стихотворений.

УДК 821.162.1

ББК 84 (4Пол)

ISBN 978-5-91763-497-5

© Павликовская-Ясножевская М.

© Водолей

Содержание

Из цикла «Спящий экипаж» (1933)	6
Париж (1929)	13
Париж	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мария Павликовская-Ясножевская

Почтальон и ноябрь

© Е. Ревуцкая, перевод, 2020

© Издательство «Водолей», оформление, 2020

* * *

Из цикла «Спящий экипаж» (1933)

Спящий экипаж

В осеннем вихре,
в метели рыжей
от лодки лодка —
все ближе, ближе...

Цветки акаций —
шеренги флота;
флотилий зерна —
как позолота...

И ждут, по трое,
что будет после —
и ждут, оставив
рули и весла...

Багряный ветер
обрушит лодку —
«Бог и Акация!»,
прошепчут кротко...

Сецессия

На небе тучи
узор чертили —
русалок мчали
ветров полозья,

в себя вбирая
крыла стрекозьи,
а те тонули
среди белых лилий...

Главы далекой
рисуя профиль,
скользили в небе
златые нимбы,

вливая сумрак,
как сладкий кофе,
в запястий тонких
и губ изгибы...

И спящей девы
красой летучей
нальются воды,
набухнут тучи...

Чужбина

Пред нами – берег дальний
той сказочной чужбины,
где, грусть и страх отринув,
мы упадем под пальмы

Где горизонт сомкнется
жемчужным ожерельем
и обратится к солнцу
Венера в звездной пене

Стыдливая мимоза
уронит у алькова
целительные слезы
для соловья больного

Где, как банан, прогнувшись,
в ветвях повиснет месяц
и банджо песней чуждой -
«Паломой» старой¹ встретит

Где нет еще разлуки,
ведь не было и встречи,
где, прежде чем отречься,
нам Бог протянет руки

Где мы – как будто младше,
где зов веков не слышен,
смерть – легче, стоны – тише,
а в грусти – больше фальши...

Театр

На сцене слеза актера
правдива была едва ли,
но зрители громким хором
за ним навзрыд повторяли —

всех искренней плакал в ложе
сам автор – угодник Божий.

Нектаром оваций кресла
наполнятся, словно соты,
и автор, вчера безвестный,
пьянится признанья медом,

---

¹ «Паломы» (*La Paloma*) – песня в жанре кубинской хабанеры, написанная около 1860 г. испанским композитором С. Ирадьером (1809–1865). Считается одной из наиболее часто исполняемых в мире.

и в ложе всплакнет лукаво
гнушавшийся всякой славы

Lunaria Biennis

Двух сомнамбул печальные очи
загорятся огнем неизменным,
если, выйдя на рынок цветочный,
купят вновь lunaria biennis.

И прозрачные тени-мембраны
под навесом укрытых лунарий
на ветру, как ряды барабанов,
бьются в ритме неведомых арий.

И лунатик, унынием пьяный,
чуждый всем искушениям розы,
установит на фортепиано
полнолуний серебряных россыпь.

Лунатичка на клавишах черных
вдохновенно играет куплеты
и в бескровных ладонях упорно
полнолуний сжимает монеты.

Эпитафия летчикам

Аристократы смерти, Жвирко и Вигура² -
их имена не раз звучали эхом громким.
Другие без вести пропали в небе хмуром,
оставив миру только пепел и обломки.

Чосинский³, Климша⁴, коих нет на пьедестале,
не избежали той же участи кровавой...
Им не нашлось названий улиц, песен, славы,
а разве больше дать могли, чем то, что дали?

Забыто множество имен – Пясецкий⁵... Попчик⁶...
Надводзкий⁷... Станьцо⁸... – тысячи имен героев...

---

² Францишек Жвирко (Franciszek Żwirko; 1895–1932) – польский военный и спортивный летчик. Станислав Вигура (Stanisław Wigura; 1903–1932) – польский авиаконструктор, инженер и авиатор. Победители международного рейда вокруг Европы, оба погибли в аэропланной катастрофе 12 сентября 1932 года в горах чешской Силезии, в 14 километрах от Тешина.

³ Антоний Чосинский (Antoni Ciosiński; 1904–1933) – польский гражданский летчик, учился инженерному делу в Варшаве и мастерству пилотажа в Дублине, погиб при выполнении полета 25 сентября 1933 года, похоронен на Раковицком кладбище в Кракове.

⁴ Алоизий Климша (Alojzy Klimsza; 1899–1931) – польский авиатор, погиб при выполнении полета 19 июня 1931 года, похоронен в Кракове.

⁵ Мариан Пясецкий (Marian Piasecki) не вернулся с задания 6 сентября 1939 года, в сентябре 2000 года было установлено место захоронения летчика.

⁶ Чеслав Попчик (Czesław Popczyk; 1902–1933) погиб при выполнении полета 11 сентября 1933 года, похоронен в Кракове.

⁷ Станислав Надводзкий (Stanisław Nadwodzki; 1907–1933) погиб при выполнении полета 28 апреля 1933 года, похоронен в Кракове.

Генеалогическое древо

Я – словно атлантическая дева,
что не познала берега-причала,
ведь генеалогическое древо
моё сродни недвижимым кораллам.

Хоть пополам серебряное тело
мне разделить теперь ничуть не жалко,
едва дышу, танцую неумело —
из датской сказки скорбная русалка.

И вновь у ног моих волна морская,
свободы горечь, ветры штормовые —
вновь вспоминаю о родной стихии,
кристаллы соли с жарких век роняя.

En souvenir de Le Brix et Mesmin⁹

в хмуром небе внезапный тангаж,
и почти задохнулся мотор,
и беспомощно руки простер
самолет, и один экипаж

храбрость в небе не знает преград,
здесь секундам равняется жизнь —
самолет устремляется вниз
на последний, короткий парад

дружба в небе не знает измен,
на двоих – лишь один парашют,
и, как звезды, вдвоем упадут
два героя – Ле Бри и Месмен —

на нещедрую грешную твердь...
и плеяды огней-орденов
над полями Руси, средь ветров,
будут пламенем вечным гореть

Листья дуба

Не думай о победах,
под старым дубом сидя —
дуб стар, могуч, раскидист
и достает до неба.

---

⁸ Францишек Станьцо (Franciszek Stańco) погиб при выполнении учебного полета 1 мая 1929 года, похоронен на военной части Раковицкого кладбища в Кракове. О том, когда он родился и откуда был родом, информации не сохранилось.

⁹ Французский летчик-рекордсмен Жозеф Ле Бри (Joseph Le Brix; 1899–1931) и механик Рене Месмен (René Mesmin; 1897–1931) погибли недалеко от Уфы 12 сентября 1931 года в ходе второй попытки совершить беспосадочный полет по маршруту Париж – Токио.

Внимай беспрекословно,
заслышав шепот мерный,
и принимай на веру
хвалу листвы склоненной.

То дар земной стихии
торжественно-суровый,
то твой венец лавровый
за помыслы благие.

Людское слово ложно,
суд – справедлив едва ли,
но дуб тебя венчает,
а дубу верить можно.

Кукушка и влюбленные

Нежно-виновато
Вдоль лесного склона
Шли, как по канату,
Двое обрученных.

Поступью дрожащей
Двигались в потемках,
А кукушка в чаше
Куковала громко.

«Сосчитай нам годы!
Сколько мне отпустишь?»
Ясь спросил – и гордо
Крикнула кукушка.

«Смилуйся! Потише!
Для чего мне столько?
Сосчитай Марише!»
А кукушка смолкла.

Ухнул ворон где-то,
Солнце в тучах скрылось —
Не прожить и лета
Молодой Марысе.

Скорлупу уронит
Белка ей под ноги,
А на росном склоне
Встретятся дороги.

Перед нею остов
Вьется розы дикой,
И слышны с погоста

Колокола крики.

Звонница

как дерево, смолиста,
встревожена, зловеща —
грибов и старых листьев
в ней запах горче, резче

густой столетней кроной
покой небес нарушит
и вниз взглянет со склона,
подобно старой груше

как та, сгнивая кроной,
стволом зарывшись в землю,
вслед облакам последним
плодом кивает – звоном

Горный чертополох

Чертополох на взгорье – рыцарская роза,
что охватила землю серебристым телом,
лучами вникнув,
низвергнув оземь
шальные вихри —
прообраз солнца,
медаль за смелость.

Полуденное море

Проклятьем виснет
над морем полдень,
сомлели волны,
лег жар на пристань —
глядишь, разбудит
подводных чудищ...

У Моря Польши

У моря Польши —
колосья хлеба,
пшеницы волны —
морские гребни.

Русалки стали
снопами в поле,
плывут – и маки
цветут на доле.

Разбитое гнездо

Взгляни-ка – гнездо разбито...
Из веток петля и ниток,

скорлупка и лист зеленый
сплелись, друг на друга глядя,
а рядом – волос сплетенных
твоих и моих две пряди.

Париж (1929)

Париж

Париж

Морской соленый ветер, шагая по-матросски,
пронесся по бульварам в шальном, нестройном танце,
на взгляды и улыбки нанес весны наброски —
смеются мусульмане, мулаты и китайцы.

Над сумрачным Парижем кроваво-алый вечер
фиалками усыпан и дышит пармским летом;
и дым машин ревущих
становится все резче,
глота лица юных бесстрашных мидинеток.

Вновь со свинцовым сердцем по набережной Сены
гуляя, в старой лавке найду любовный сонник,
где встретится немало
забытых снов значений,
и крик весны внезапный во влажной тьме утонет...

На теплом тротуаре у столиков кофейни,
как рой мышей летучих, сойдясь во тьму густую,
сливаются студентов
разрозненные тени...
А бабочки ночные в мехах спуют вслепую...

Вдруг с улицы, скрепленной бриллиантовой брошью,
какой-то стон печальный – *Paris-Soir!*¹⁰ – раздастся,
потерянную птицей
вновь закричит истошно —
и я заплачу тоже...
Как на душе ненастно...

На площади Согласья в периметре нирваны
огней вечерних сонмы пылают златом стылым,
и, будто чуждый ангел, везет шофер случайный
меня сквозь то, что будет,
что есть – и то, что было.

Утопленник зловеще ночной фокстрот танцует,
качаясь монотонно на Сены липкой глади;
химеры *Notre-Dame* взывают «Аллилуйя!»,

---

¹⁰ Пари-Суар (*Paris-Soir*) – парижская ежедневная газета, выходившая с 1923 по 1944 год.

своим жандармским оком
на город строго глядя.

И каменными ртами завоюют – то на месяц,
то на фонарный отсвет – то розовый, то синий,
косясь порою глазом на то глухое место,
где стал парижский призрак —
тень вдовья гильотины.

Нелепые, глухие, беспаятные толпы
толкнутся в муравьином
немом и страшном визге,
а зависти и лести – на небе в цвете желтом —
до самых звезд взмывают отравленные брызги.

Холодный камень Сены на метрополитене
между водой и нами —
судьба в ночном дозоре...
Всю ночь над сводом дева, подобная сирене,
качаясь над волнами, течению Сены вторит.

Линялый завсегдагой парижских тротуаров
вдруг на меня косится слащавым рыбьим оком,
и в тот же миг испанец с походкой, полной жара,
исчезнет в переулке
случайном и далеком.

Рычит автобус... Улиц струящиеся нити
наполнены обманом... Подружитесь с полипом?
Со спрутом? С осьминогом?
Ах, нет? Тогда бегите
по пастбищам французским – домой, к зеленым липам!

Плыви туда, где заводь, к покойной, ясной сини,
ты, маленькая рыбка среди акулей стаи,
где тысячи танцовщиц,
сложенных, как богини,
твое топтали сердце, балуясь и играя.

В *Aubert Palace, Gaumont, Paramount* и *Cameo*¹¹
целуются – и только.
Кто это мог предвидеть?
Оркестр играет громко – как белая камея,
мой одинокий профиль нелеп и столь обыден.

Eiffel, как гриб крученный, развернулся геенной
и виден отовсюду, как бес на брачном ложе.

---

¹¹ Старые кинотеатры Парижа, сегодня не функционирующие.

Все чересчур огромно... Мне – крошечной вселенной –
все это недоступно, как крокодилья кожа.

Но как в толпе прохожих идти одной, тоскуя,
без теплых рук? На небе – закаты розовеют
и вспыхивают звезды...

А для чего живу я —
среди деревьев чуждых безлистная аллея?

Вокруг – потоки взглядов и тысячи объятий,
и видится прохожим в весеннем сладком трансе
в кругу Больших Бульваров
дорожный указатель,
где под руку гуляют и думают: *Douce France...*

Колдуньи Парижа

В переулке Пигаль есть одна комнатенка глухая,
что зажата меж лавок, в которых торгуют салатом —
мадам Каль, не открывши конверта, там письма читает,
сотню франков берет за услугу. Я помню, когда-то

про мамашу Дюваль с авеню Фромантен услышала,
будто та напорочит судьбу над кофейною гущей,
перескажет тебе твои тайны с улыбкой усталой,
пахнет кофе в отеле ее. У Жирар-вездесущей,

на углу авеню Эшикье, в разноцветном салоне
очутившись однажды, в беседы журчании тихом
ты услышишь о всяком, о чем не желал бы и помнить —
она лучше родимой сестры тебя знает. От лиха

сохранит, словно мать, и разумным советом поможет;
по наказу ее сбережет тебя джинн-невидимка,
твой обидчик сомлеет от страха на собственном ложе,
коль вы вместе проколете сердце его фотоснимка.

На бульваре Осман проживает волшебница Сара,
в шар хрустальный взглянет – и день судный окажется ближе...
Подрисованным глазом грядущее видит. И даром
обладает предречь чудеса, что творятся в Париже.

А в «Ротонде»¹², меж столиков, тешась убогой разживой,
твою левую руку чудная гадалка подымет
и, на скатерти карты свои разложив торопливо,
не сводя с тебя глаз, назовет тебе важное имя.

---

¹² «Ротонда» (*La Rotonde*) – легендарное парижское кафе со столетней историей, расположенное в доме 105 по бульвару Монпарнас. Завсегдатаями «Ротонды» были Модильяни и Шагал, Кандинский и Сутин, в кафе приходили Волошин, Ахматова и Маяковский, а в 30-е годы – Хемингуэй, Фитцджеральд и Сименон.

И, коснувшись Венеры холма, улыбнется лукаво,
в один миг ей откроется верного счастья примета —
на ладони твоей пентаграммой означена слава,
а запястье твое окаймили четыре браслета.

А какой-нибудь нищий в Париже за горстку сантимов
посулит тебе счастье стишком на обрывке бумаги —
предсказание нищего хоть и едва постижимо,
на поверку окажется самой надежной из магий.

А волшебница Зина по-польски твердит у порога,
видя нимб над тобой, что довериться должно надежде,
что перед поступью тихой простерта прямая дорога,
что услышат тебя наделенные слухом... Но прежде

среди шелков ты услышишь факира наказ – Хамам Бея,
что стальным, проникающим взором на взор твой ответит,
опий жизни курить повелит, снов былых не жалея:
«Разве можно упрочить эфир иль удерживать ветер?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.